

превратился в обвиняемого. Разбирательство по данному конфликту осуществлялось опочечко-новоржевским окружным комиссаром казенных поселян Кузнецовым, который даже освободил из-под стражи волостного голову Павла Павлова и писаря Дмитрия Алексеева. Дело о волостном голове и действиях Бороздина рассматривалось в марте 1830 г. в губернском правлении. Исправник указывал на личную неприязнь к нему со стороны комиссара казенных поселян Кузнецова. Последний в свою очередь настаивал на том, что доклад Бороздина о «героической» поимке беглецов не во всем соответствует действительности. Позиция Кузнецова была подтверждена и в результате дополнительного следствия. Однако его результаты не удовлетворили исправника, и дело было передано, уже губернатором А.Н. Пещуровым, для выяснения обстоятельств дела чиновнику по особым поручениям. Доклад об итогах данного расследования в архивных делах обнаружить не удалось. Однако освобождение волостного головы от ареста, свидетельствует о справедливости выводов Кузнецова. В дальнейшем Павел Павлов был снят с должности волостного головы.

Данный небольшой сюжет из истории Псковско-Витебского пограничья свидетельствует об особенностях жизни населения на данной территории. В частности, пограничье воспринимается в сознании населения как место, где могут укрыться лица, нарушившие какие-то законодательные нормы, т.к. именно в этом месте проходит граница компетенции властей соседних территорий. Данное обстоятельство, несомненно, затрудняет и делает более затяжным борьбу с правонарушителями.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО) – Ф. 20. Оп.1. Д. 965.
2. История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней). – Псков: Псковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2016. - 640 с.
3. Летопись земли Псковской: годы и события. – Псков: ПГПУ, 2007. – 488 с.

О РУССКИХ ДЕНЬГАХ И ИХ ОБРАЩЕНИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ. НА ПРИГРАНИЧНОЙ МОГИЛЕВЩИНЕ

А.О. Николаева

г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, nikolaeva_a.o@mail.ru

Цель статьи – анализ условий включения русских монет в денежный оборот Речи Посполитой и их «хождение» в экономических и социально-правовых отношениях приграничного Могилева, входящего в описываемый период в состав Польско-Литовского Княжества.

Ключевые слова: копейка, образ, русские деньги, сакральность, Смутное время, приграничье.

Центральное положение Польско-Литовского Княжества в Европе обуславливало участие в его денежном обращении монет Европейских государств, включая и деньги Русского Царства, основным монетным номиналом которого была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьем. На половинной фракции копейки (денге) всадник держал вместо копья саблю, что обосновывало наименование монеты – «деньга-сабляница» [1, с. 26]. Поступление денег Русского Царства в экономическую деятельность Речи Посполитой происходило следующими путями:

- ✓ от взаимоторговых операций [2, с. 525];
- ✓ от расчетов Московской казны и «самозванцев» с воинскими наемниками [2, с. 372-373];

- ✓ от расчетов с ремесленниками, привлекавшимися на Русь для градостроительных и церковных работ [3];
- ✓ от миссионерских денежных посылок Русской православной Церкви, гонимой православной Церкви Северо-Западной Руси [4, с. 115];
- ✓ от гражданско-уголовных преступлений в районах приграничья [1, с. 30];

Перечислено то, о чем народная молва говорит: отходный промысел деньгу родит, а денежка дорожку прокладывает [5]. По сведениям, собранным В. Кобринцом, основными источниками для статьи послужили Актовые книги Могилевского магистрата первой половины XVII в., хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НАИБ, Ф. 1817, оп.1, д. 6-11, 13, 14, 16-19) и дополнительные сборники: «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», «Историко-юридические материалы», «Русско-белорусские связи». Обнаружено, что более чем в 60 документах могилевские горожане первой половины XVII века русские деньги называли: деньги, деньги Московские, копейки Московские, гроши Московские [5, с. 30]. Здесь необходим анализ иконографичности изображений русской копейки, сакральность которой могилевчанам того времени, как иностранцам, вряд ли была известна. О самом наименовании монеты «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера сообщает: «*копейка*», первонач. «серебряная монета», чеканенная с 1535 г.; производят от новгор. деньга (см.); появилась в Москве после завоевания Новгорода (1478 г.). Она носит изображение царя, сидящего верхом на коне с копьём в руке (1535-1719 гг.); см. Бауэр у Шлеттера 317; ср. Новор. 2 летоп. Под 1535г.: о том, что великий князь приказал «новыми деньгами торговати съ копиемъ»; см. Соболевский, РФВ 22,291» [6, с. 317].

Однако ошибочно отождествлять изображение монеты с Образом Св. Вмч. Георгия Победоносца, поскольку последние Великие Князья Рюриковичи все были благочестивы и не позволили бы Икону пустить в бытовые ситуации «быти попираемой ногами». К более верным выводам о сакральности изображения всадника можно прийти, учитывая ментальность народа и его элиты. В это время Византия впадает в ересь на Ферраро-Флорентийской унии 1435 г., второй Рим пал, Москва – Третий Рим, четвертому не быти. В православном мире шла подготовка к «концу света» – второму пришествию Христа и Страшному Суду. Иоанн Васильевич III женится на Софье Палеолог, племяннице Византийского Императора, в приданое с ней Князь получает атрибуты имперской власти. Московия наследует Византийский Государственный герб, трансляция на Русь мистической православной Империи свершилась. Приближается к хронологическому завершению 7-ая тысяча лет от «Сотворения мира», а народ Божий к завершающей схватке с антихристом. Для этой последней битвы Русь строит тягловое государство, в котором духовно и телесно напрягаются все сословия от Князя до хлебопашца, «тянут» спасение. Именно в это время в геральдике Москвы начинает появляться образ всадника с копьём. Надо отдать должное Г. З. Байеру, наименовавшему всадника царем, но он не сообщил главного – каким царем? Принимая во внимание вышесказанное, можно с большой долей вероятности сказать, что этот образ русскими Князьями отождествлялся с апокалиптическим образом последнего русского Царя-Победителя, который, по словам апостола Иоанна Богослова: «вышел, чтобы победить», и Господь в Священном Писании говорит: «И побеждающему и соблюдающему дела моя до конца, дамь ему власть на языцех, и упасет я жезломъ железнымъ...» (Апок. 2; 26). Народ получил от Князя образ, семантика которого представляла ему (народу) ежедневное зрительное обетование – вот твой защитник от материализующихся нападений дьявола и его слуг, трудись, живи честной деньгой, будь достоин этой Божьей милости. Со смертью Иоанна Грозного духовность тяглового делания Руси стала катастрофически умяться, что привело к помутнению веры и как

следствие к общению с еретической греческой церковной иерархией. Все это вылилось в бес(чин)ства Смутного времени. Именно в этот период отмечен максимальный приток русских денег в денежный оборот Речи Посполитой. Маловероятно, что приведенная автором семантика образа копейки упоминалась в просветительно-образовательных источниках Могилевщины, хотя ее поиск вполне уместен в религиозно-патриотическом наследии Могилевского православного братства действовавшего в критических условиях жизни вплоть до второго раздела Польши в 1797 году.

Близость границы, которая по наблюдениям иностранных описателей «со стороны Смоленска шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом» [2, с. 301], создавала предпосылки для социальных взаимопроникновений, влияющих на ход исторических событий в соседствующих государствах. Так, появление Лжедмитрия II историки связывают со Шкловом, о котором А. Королев сообщает: «заработала наконец, интрига с очередным Лжедмитрием, начавшаяся с поездки лжецаревича Петрушки в Оршу в декабре 1606 года. Примерно в феврале 1607 года его сообщники в Белоруссии подобрали, как им показалось подходящего человечка. Подготовив «претендента на престол» и приставив к самозванцу нескольких слуг, паны Зеневич (староста Чечерска) и Рагозинский (староста Пропойска) переправили его через русскую границу», здесь автор ссылается на труд Р. Г. Скрынникова «Смута в России» (с.189-203). В двадцатых числах мая 1607 года будущий знаменитый Тушинский вор явился в приграничный северский город Стародуб. Сюда же прибыл казачий атаман Иван Заруцкий, специально посланный из Тулы за самозванцем. Совпадение во времени появления двух этих людей в одном и том же городе отнюдь не было случайным. Активное участие в интриге принял и стародубский сын боярский Гаврила Веревкин – вожак местных повстанцев. Заруцкий и Веревкин тут же «признали» Дмитрия Ивановича, а из Польши подошел пан Маховецкий (участник похода Лжедмитрия I на Москву, один из соумышленников Зеновича, принимавший активное участие в «подборе» претендента), который привел самозванцу около семисот наемников [7, с. 269-270]. Тушинский вор умышленно начал свое шествие по Руси с северских земель – здесь он обрел подавляющее число сочувствующих «доброму царевичу» из числа населения края, жестоко пострадавшего от Бориса Годунова, за лояльность к Лжедмитрию I: Царь же Борис гнева и ярости исполнился на жителей Комарицкие волости и повеле ея великим пленом пленити и до конца опустошити, что расстриге предалися и служат, и всех православных христиан посетчи от мала до велика, а иных всякими различными муками умучити... [8, с. 241]. Правомерно провести поиск в архивных документах Чечерска и Пропойска за 1606-1607 годы на предмет свидетельств прихода и накопления значительных сумм русских денег, так как городские старосты Зеневич и Рагозинский, отправляя Лжедмитрия через русскую границу, не могли допустить, чтобы Зих «претендент на престол» пришел к «своим подданным» с деньгами сопредельного воюющего с Отечеством государства. Наличие значительного следа русских денег в этих городах послужит аргументом в пользу выдвинутой версии. В качестве вывода к статье можно заключить, что русские деньги на землях приграничного Могилева первой половины XVII в. стали не только экономическими средствами жизнедеятельности, но и индикатором социально-духовных процессов исторически приближающих воссоединение единого в генетике и вере русского этноса.

Список использованной литературы

1. Кобринец, В. Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в. / В. Кобринец // Банковский вестник. – 2016. – №3. – С. 26–32.
2. Ключевский, В. О. Краткий курс по русской истории / В. О. Ключевский. – Москва: Издательство АСТ., 2016. – 538 с.

3. Баженова, О. Д. Белорусы Москвы. XVII век / О. Д. Баженова, Т. В. Белова. – Минск : Беларус, 2013. – 472 с.
4. Булгаков, М. Преосвященный Георгий Конисский Архиепископ Могилевский / М. Булгаков. – Минск : Виноград, 2000. – 656 с.
5. Даль, В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. / В.И. Даль. – Санкт-Петербург : Литера, ВИАН, 1997. – 2 т.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 4-е изд. – Москва, 2009. – Т. 2. – С. 45-46
7. Королев, А. С. Илья Муромец / А. С. Королев. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 373 с.
8. Зайцев, В. В. Русские монеты XIV-XVII вв. Очерки по нумизматике / В. В. Зайцев. – М. : Издательство МБА, 2016. – 304 с.

ДВАРАНСКІЯ СЯДЗІБЫ ВІЦЕБСКА-СМАЛЕНСКАГА ПАМЕЖЖА: СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

*М.В. Півавар
г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава, pivavar@gmail.com*

Мэта артыкула – аналіз стану шляхецкіх сядзіб, выяўленне агульных і асаблівых рыс былых маёнткаў віцебска-смаленскага памежжа.

Ключавыя словы: сядзібы, палацава-паркавыя комплексы, дваранства.

Вывучэння дваранскіх сядзіб – важнейшы накірунак у вывучэнні культуры вышэйшых колаў насельніцтва народа. Сядзібы, як правіла, з’яўляліся гаспадарчымі, культурнымі цэнтрамі, вакол якіх арганізавалася жыццё ў правінцыі. Багатыя і сярэдняй рукі прагрэсіўныя памешчыкі першымі ўводзілі ў сельскую гаспадарку новыя прыёмы землепрацоўкі, новыя механізмы, прылады працы, тэхналогіі, формы і метады землекарыстання. У панскіх сядзібах былі бібліятэкі, прыватныя архівы, калекцыі, кабінеты, часам тэатры. Часта на грошы гаспадароў адкрываліся і ўтрымліваліся навучальныя ўстановы. Шэраг сядзіб былі ўзведзены па праектах вядомых архітэктараў і з’яўляліся выдатнымі помнікамі архітэктуры свайго часу.

На жаль, у часы расійскіх рэвалюцый, а потым і сацыялістычных пераўтварэнняў падаўляючая большасць сядзіб была знішчана. Вывучэнне сядзіб, як і даследаванне дваранства разглядалася ў БССР як неперспектыўная тэма. Сама памяць пра эксплуатацыйныя класы павінна была сысці ў нябыт разам з эксплуатацыяй.

З канца 1960-х гг., на Беларусі ў пэўных колах грамадства (ліберальная інтэлігенцыя, мастакі, нацыянальна-арыентаваныя студэнты) з’яўляецца цікавасць да мінуўшчыны. Некаторыя захады па вывучэнню і захаванасцю сядзіб рабіла Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. У бюлетэні “Помнікі гісторыі і культуры Беларусі” можна знайсці некаторыя артыкулы на гэту тэму. Актывізацыя вывучэння стану сядзіб адбываецца ў межах падрыхтоўкі “Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі”. Аднак, у яго увайшлі далёка не ўсе з тых сядзіб, якія на той час добра захаваліся. Напрыклад, у том, прысвечаны Віцебскай вобласці [1] не ўвайшлі звесткі ні пра адну сядзібу ў Віцебскім раёне, хаця ў добрым стане захавалася тры мураваныя: Мазалава, Лукі, Вялікія Лётцы.

З пачаткам палітыкі “перабудовы” і абмежавання цэнзуры панскімі сядзібамі цікавіцца пачалі больш, але тут развіццё сядзібазнаўства стрымліваецца абмежаванасцю дакументальнай базы і крыніц. Практычна адсутнічаюць даследаванні па гісторыі сядзіб у Беларусі. А.Т. Федарук у сваім даследаванні “Садово-парковое